

Мариша Кель

Восточный плен. Княгиня

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84(2)6
К34

Кель М.

Восточный плен. Княгиня / М. Кель — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 218 с.

ISBN 978-5-532-05250-5

Третья книга из серии: «Ольденбургское поместье». Княгиня Мари Ольденбургская отправляется к берегам Турции на поиски бесследно пропавшего супруга. Но волею судеб, она приплывает к берегам величественного Константинополя узником, попавшим в рабство. Теперь она не графиня Валевская, не княгиня Ольденбургская и не обедневшая компаньонка. Она-Meryem Güneş, «Непокорное Солнце» гарема великого султана Абдул-Меджида. Но Мари продолжает верить в долгожданную встречу с любимым. И вера её беззаветна и крепка. Ибо сильна, как смерть, любовь. Источником для написания книги послужили исторические события.

ISBN 978-5-532-05250-5

© Кель М., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Пролог

Константинополь¹. Османская империя

1860 год

В имперский порт столичного Константинополя прибыло очередное судно с новой партией товара. Пришвартовалось оно в удобно огороженной гавани под названием Золотой Рог, это была длинная узкая бухта к северу от пролива, по берегам которой располагался город, по праву считавшийся самым большим и самым богатым городом Европы. Красавец Константинополь очаровывал и восхищал, выгодно расположившись на стратегическом мысе между Золотым Рогом и Мраморным морем, на границе Европы и Азии. Именно это обстоятельство давало городу неоспоримые преимущества в торговле и позволило ему заслуженно стать столицей христианской империи – наследницы Древнего Рима и Древней Греции в прошлом, а ныне гордо называться столицей трёх империй. С прибывшего судна началась выгрузка товара. Женщин силой вытолкнули из каика² и при помощи хлыста стали гнать вперед по извилистым узким улочкам города в направлении мраморной колоннады. Любопытствующие, коих собралось достаточно много, с живостью проявляли свой интерес. Их цепкие руки с силой дёргали за волосы женщин, вероятно, проверяя на крепость и подлинность их роскоши. Они приценивались, торговались, громко спорили, кричали, бесцеремонно ощупывая, осматривая обезумевших от страха женщин.

Когда огромный чернокожий мужчина, выхватив Мари из перепуганной женской стайки, стал грубо прижимать её к себе, она чуть не закричала и, почувствовав его пальцы на своем теле, стала отчаянно вырываться. Французенку, идущую впереди Мари, тоже схва-

¹ Падение Константинополя как столицы Византийской империи случилось в 1453 году – произошёл захват столицы турками-османами под предводительством султана Мехмеда II. С того момента Константинополь (греч. *Ἀλωπή της Κωνσταντινούπολης*) был переименован в Стамбул (тур. *İstanbul*), но сохранял своё первое имя – Константинополь – неофициально.

² Каик – лёгкое гребное (изредка парусное) судно.

тил какой-то сальный, с оплывшим лицом толстяк и, силой пытаясь раскрыть жирными пальцами рот девушки, стал бесцеремонно её разглядывать, считая зубы. После этого он с довольным хохотом оттолкнул девушку от себя, скривив пренебрежительную гримасу. Та споткнулась и, потеряв равновесие, чуть было не упала, но Мари, сумев к тому времени отбиться от чернокожего громилы, поспешила на помощь к бледной француженке и успела подхватить её.

За длительное путешествие у женщин получилось сдружиться, и именно Френсис рассказывала Мари о славе и величии знаменитого богатого города на процветающем юге. Теперь же Мари в полной мере могла убедиться в услышанном, увидев Константинополь своими глазами. Ей незамедлительно открылись его первобытная дикость, душевная убогость и бесчеловечность.

Странные, насыщенные до резкости запахи вызвали тошнотворные приступы. Порой их приторность и яркость провоцировали спазмы дыхания, и наступало удушье. При этом шум и неугомонность города становились невыносимыми и вызвали оцепенение, невозможно было понять и оценить, что же происходит. Лишь одного хотелось – закрыть уши и больше никогда не слышать эти непонятные звуки города, которые просто оглушали. Но отвратительней и ужасней всего были сами жители, заполняющие улицы этого города. Никогда прежде за всю свою жизнь Мари не доводилось видеть такое количество людей. Она была поражена разнообразием в их одежде, вольностью поведения, непонятностью их речи... Её окружали мужчины всех цветов и наций: чёрные как смоль, с тюрбанами на голове, они являли собой самое страшное зрелище. У одних глаза темнее южной ночи, у других – голубее самой яркой лазури. Головы одних абсолютно лысые, других – с пышными кудрявыми шевелюрами. Устрашающие лица с густыми, сходящимися на переносице бровями и с длинными бородами. И ни одной женщины среди них!

Мари зажмурилась, точно пытаясь прогнать ужасный сон, но, открыв глаза, увидела, что перед ней всё та же жестокая реальность – перед ней был величественный город Константинополь.

– *Lève-toi, Francei!*³ – тихо прошептала Мари. — *Lève-toi...*

Френсис быстро поднялась и мелкими шажками, словно зачарованная тихим гипнотическим голосом Мари, пошла вперёд.

Мари, стараясь заставить себя не смотреть по сторонам, следовала за девушкой. Она, прилагая усилия, попыталась сосредоточить свой взгляд на стройной спине идущей впереди подружки по несчастью. Но все её усилия не имели должного успеха, ведь эти чудовища, напоминающие людей, эти нелюди, окружающие их слева и справа, продолжали свою пытку и истязания. На непонятном, напоминающем лай языке они громко что-то выкрикивали, вульгарно хохотали и продолжали щипать и дёргать её за лёгкую тунику и пряди распущенных волос.

«Бог мой! – взмолилась она про себя. – Хоть бы это поскорее закончилось! Уж лучше умереть...»

По горячим обветренным щекам женщины заструились тихие слёзы. Она остановилась на секунду – лишь только для того, чтобы приказать себе не сметь быть слабой. Не сметь. Затем отёрла предательски хлынувшие от обиды и унижения слёзы. Выпрямив спину, она уже спокойно и ловко увернулась от очередного любопытствующего и, гордо вскинув подбородок, твёрдой походкой зашагала вперёд. Она безгранично презирала эту похотливую, буйствующую толпу мужчин.

«Нет! Настанет время, и я попрощаюсь с этим городом навечно!» – пообещала она себе.

Мари сейчас очень сожалела о том, что пару месяцев назад она отправилась в это путешествие. Её неоднократно предупреждали, чем мог закончиться этот её порыв. Но без колебаний Мари приняла для себя решение последовать за мужем и, отыскав, вернуть его домой. По крайней мере так прежде думалось и желалось Мари. А что же теперь? Теперь по воле судьбы она будет выставлена на торгах в этой далёкой и жуткой стране. Возможно, всю оставшуюся жизнь она, русская княгиня, проведёт в рабстве у какого-нибудь торговца шёлка. И это в лучшем случае.

³ Вставай, Френсис! (фр.)

Три месяца назад она и двое верных друзей её мужа отплыли от берегов России. «Бедные Вольф и Анри...» Мари ещё раз крепко зажмурилась и смахнула накатившие слёзы.

Где же теперь Вольф и Анри?!

На третью неделю их путешествия «Щегол», отважная бригантина маркиза Анри Эварси, попал в шторм. Корабль разнесло в щепки. Мари и пару человек из команды подобрало судно, как потом выяснилось, торговавшее рабами.

Сначала Мари радовалась и благодарила Бога за подобное стечение обстоятельств. Узнав, что корабль-спаситель держит курс на Константинополь, Мари чуть не расплакалась от счастья, но после ей открылась страшная правда относительно команды и груза этого судна. И её жизнь разделилась на до и после... Что случилось после, ей трудно было представить и увидеть в самом страшном сне, отчего хотелось уснуть и больше не просыпаться. И она прикрыла глаза в желании отстраниться от всего происходящего с ней.

Споткнувшись о камень на мостовой, Мари чуть не упала. Она резко открыла глаза. И смогла устоять – и она устоит, подумалось ей. Она будет бороться и всю свою жизнь будет стремиться в Ольденбургское поместье – домой. Пусть Бог будет свидетель – она увидит своих детей и своего мужа, она не сдастся!

Мари наклонилась вперёд и пожала холодную словно лёд руку Френсис. Та в ответ ухватила за руку Мари, будто та была её последней надеждой в этом мире. Мари, обняв девушку за плечи, поддерживая свою слабую подругу, почувствовала себя ещё более сильной.

Тем временем они приблизились к мраморной галерее-портику, примыкающей к роскошному зданию, на первый взгляд напоминавшему храм. Но, глядя на происходящее, Мари понимала, что этому месту было далеко до дома Божьего.

Женщины со всех кораблей яркими колоннами друг за другом сгонялись, как стада животных, к белокаменному зданию, окружённому бесконечной галереей. Огромных размеров арена имела только куполообразную крышу, которая и держалась благодаря колоннам, составляющим окружную галерею.

В центре арены стояли деревянные самодельные загоны, как для крупного скота. Распределив невольниц по небольшим группам, крупный чернокожий мужчина стал загонять пленниц в эти нехитрые сооружения. Группу женщин, в которую попали Мари и Френсис, сразу же повели в центр арены, где был установлен деревянный помост.

«Отсюда-то и ведутся торги, здесь будет решаться дальнейшая судьба...» – уже совершенно спокойно подумала Мари и подняла глаза к небу, после чего, опустив голову, встретила взглядом с широко раскрытыми глазами подруги-француженки.

– Мне страшно, Мари, – еле слышно прошептала та одними только мертвенно-бледными губами.

– Не переживай, Френс! Я...

Мари не успела договорить: чьи-то руки, униженные многочисленными перстнями с драгоценными камнями, выхватили девушку и, легко подняв её на помост, с силой подтолкнули к центру.

Мари только и оставалось, что молиться, чтобы силы не оставили подругу и чтобы та не упала в обморок.

Следом за Френсис на помост поднялся и торговец. Самоцветные камни его колец ослепительно засверкали на ярком солнце. Он положил свою руку на хрупкое плечико Френсис, при этом выкрикивая шумной толпе о прелестях и достоинствах данного товара. В один момент торговец стянул с Френсис её легкую тунику. Девушка, без того дрожа всем телом от страха, теперь уже от стыда и унижения, рыдая, забилась в мучительных конвульсиях, пытаясь прикрыться тонкими белыми руками.

В этот момент толпу невозможно было унять. Точно обезумев от похоти и азарта, мужчины стали напоминать свору волков. На противоположном конце помоста от Мари даже завязалась нешуточная драка. Кого-то из присутствующих ударили ножом, и пострадавший визжал и катался от боли, заглушая торговца, продолжавшего бодро и громко выкрикивать цену. Слава богу, Френсис этого уже не видела и не слышала, поскольку Господь пощадил её и она всё-таки лишилась чувств.

Торговец, еле успев подхватить её, накрыл фигурку француженки своим шёлковым плащом и, передав её тело в руки стоявшего рядом огромного евнуха, успел что-то быстро шепнуть ему, пользуясь случившимся общим замешательством.

Толпа разгоряченных и возбуждённых увиденным мужчин протестующе взывала. Видимо, торговец решил приберечь прекрасную уроженку Франции для себя или для более выгодной сделки. Толпа этого явно не одобряла и стала швырять в торговца всем, что нашлось под рукой.

Но, вскинув ладони вверх в известном призыве, торговец смог что-то громко выкрикнуть, и толпа, словно по команде, тут же стихла.

Мари не сразу поняла, как в одно мгновение и она очутилась на месте Френсис. Тишина стала почти осязаемой. Все глаза присутствующих устремились на Мари, потенциальные покупатели, с жадностью рассматривая и беспардонно оценивая её, словно онемели на время.

Не в состоянии более переносить этот позор, она вдруг ощутила слабость и дрожь в ногах. Обессиленно опустившись на пол, Мари всем телом почувствовала жар и смрад, исходивший от шершавых досок помоста. Ей хотелось плакать, но она не могла себе этого позволить. Нет.

«Нет!» – жестко приказала она себе и, выпрямив спину, спокойно поднялась. Что бы ни произошло, как бы ни было невыносимо, она должна оставаться сильной. Никто не должен видеть её слез и страха. Устремив невозмутимый взгляд вдаль, Мари гордо расправила плечи. Она приказала себе думать, будто это не она сейчас стоит в центре двора на невольничьем рынке, будто это всё происходит не с ней и она выше этого ужаса. Краем глаза Мари заметила, что в центре арены были выстроены другие такие же помосты и на них друг за другом выводят невольников... Молодых людей, многие из них были совсем ещё дети. Они торговали детьми! Зрелище противное и отталкивающее.

Тишина становилась гнетущей. Мари вдруг почувствовала на плечах ловкие руки торговца, одним движением снявшие с неё

тунику. Лёгкая ткань слетела с плеч, и женщина оказалась обнажена до пояса.

От неожиданности Мари ахнула и инстинктивно притянула руки к груди, стараясь прикрыть себя, отступив на шаг.

В этом беззащитном и произвольном движении она, сама того не подозревая, являла собой прекрасное зрелище.

По толпе пробежал восхищённый ропот. Волна возбуждения и похоти всколыхнула и вновь взорвала голоса и крики торговцев. Жадные масленные взгляды обжигали белую кожу Мари сильнее ярких лучей нещадно палящего солнца.

Мари с ужасом и внутренним содроганием встречала каждый взгляд и каждый возбуждённый выкрик.

– Кто больше? – кричал торговец и повторял призыв на разных языках.

Цена возрастала с невероятной скоростью. Слова, звучащие по-французски, по-итальянски, по-гречески, с трудом доходили до сознания Мари. Она не могла уследить за происходящим, всё пролетало молниеносно.

– Тридцать тысяч! – донеслось откуда-то из толпы.

– Тридцать тысяч пятьсот, – тут же чей-то голос перебил предыдущий.

Мари паническим взглядом попыталась определить выкрикнувшего, но её взгляд произвольно метнулся в другую сторону, откуда донеслось:

– Сорок пять!

– Кто больше? – подбадривал торговец и без того бушевавшую толпу.

– Пятьдесят тысяч, – отчаянно бросил тёмный как ночь мужчина.

Не сводя своих оливковых глаз с Мари, он хищно улыбнулся и уж было начал принимать поздравления от обступивших его друзей.

Вновь воцарилась тишина, но на этот раз надолго.

Мари перевела отчаянный взгляд на торговца, а он, хитро подмигнув, промолвил на французском, но так тихо, чтобы только она смогла услышать:

– Он тебя не получит. Я намерен взять гораздо больше... Такие девушки, как вы, ты и белая француженка, – отборный и редкий товар.

Мавр заворожено глядел на пленницу. Его пухлые губы дрожали, и временами он глубоко и порывисто дышал. Его дыхание и вовсе остановилось, когда торговец, приблизившись к его покупке, одним движением стянул с неё тунику. Лёгкая ткань заструилась по бёдрам Мари и упала к ногам тонкой трепещущей лужицей.

Она с ужасом смотрела в глаза темнокожего мужчины и видела – нет, она чувствовала, как порыв неудержимого вожделения, а позже и озлобленности сотряс всё его громадное тело.

Мари была мелкая дрожь, и долго сдерживаемые слёзы прохладными ручейками заструились по её лицу. Тем не менее она высоко держала голову и, встретив обезумевший взгляд мавра, ещё выше вздёрнула подбородок.

Каждый присутствующий мужчина мечтал овладеть ею, покорить ту гордость и неприступность, что так явно и вызывающе горели во влажном взоре женщины. Замерев подобно античной статуе, она сделала над собой усилие, чтобы успокоить дрожь в теле, затем устремила отрешённый взор поверх разгорячённых голов. Отчаяние и стыд точно пригвоздили её к месту, сделали глухой и слепой ко всему, что происходило вокруг.

– Семьдесят... Семьдесят пять... – доносилось до утомлённого разума Мари.

– Кто больше? Кто больше?

Вновь завязалась драка. Мужчины, рыча и выкрикивая ругательства, превращались в свору голодных псов, делящих загнанную на охоте добычу. Более не выдержав, Мари спрятала своё заплаканное лицо в ладони и тихо опустила на помост.

Мужчины уже не замечали её, их обуяла жажда иного рода. Каждый хотел быть победителем в этой схватке. Быть первым, лучшим и возвысить себя за счёт этого приобретения в глазах других.

И вдруг настало молчание. Оно было таким долгим и таким пугающим, что Мари невольно подняла голову. И от увиденного она на мгновение забыла, как дышать, едва не потеряв сознание.